

Статьи. Теория и методология

ВИТАЛИЙ А. КУРЕННОЙ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7198-0910

Лабораторная и полевая наука: ОНТОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

doi: 10.22394/2074-0492-2021-3-8-51

Резюме:

Во вводной части статьи дается краткий обзор современных исследований полевой науки с точки зрения различных исследовательских подходов и дисциплинарной специфики. Основная часть работы посвящена сравнительному анализу полевой и лабораторной науки. Это различие основывается не на формальном признаке проведения исследований в полевых условиях, но на различных процедурах получения знания. Лабораторная эпистемология, важнейшую роль в которой играет эксперимент, основана на процедурах редукции сложных и целостных явлений. Она включает также декомпозиционную методологию анализа и последующего рационально-контролируемого синтеза, лежащего в основе производства современных технологий. Полевая наука, кристаллизовавшаяся в различных современных научных дисциплинах под значительным влиянием исследований Александра фон Гумбольдта, является холистской, причем онтологическая структура этого холизма обладает широкой степенью вариативности. Она простирается от традиционной модели «организма» до более подвижных и дисперсных онтологий, в которых организм рассматривается в свя-

8

Куренной Виталий Анатольевич — кандидат философских наук, директор Института исследований культуры НИУ ВШЭ, профессор Школы философии и культурологии Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: Философия и социально-политическая теория XIX–XX вв., основные тенденции современной культуры, социология и институциональная история знания. Email: vkurennoj@hse.ru

В данной научной работе использованы результаты проекта «Полевые исследования: наука за пределами лабораторий и библиотек и ее современные трансформации», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

зи со средой своего существования. Этому усложнению соответствует также развитие концептуальных средств анализа, когда на смену классическому органицизму приходит теория систем, кибернетика и т. д. В эпистемологическом отношении холизм выступает в форме герменевтической модели познания, в которой «целое» и «часть» обладают принципиально подвижным и открытым характером. Герменевтическая эпистемология позволяет интегрировать в полевую модель исследования также проблематику историзма. Полевые модели научных исследований объединяет — несмотря на дисциплинарные различия — ряд общих эпистемологических черт, вытекающих из этих фундаментальных особенностей полевой эпистемологии. В последней части статьи полевая эпистемологическая модель сопоставляется с рядом моделей так называемых «новых онтологий» (акторно-сетевая теория, теория ассамбляжа) и делается вывод о структурных сходствах между ними. Отдельно рассмотрено значение историзма для формирования современной теории науки.

Ключевые слова: полевая наука, лабораторная наука, эксперимент, холизм, герменевтика, историзм, новые онтологии, STS

Vitaly A. Kurennoj¹, HSE University, Moscow, Russia

Laboratory and Field Science: Ontology and Epistemology

9

Abstract:

In the first part of the paper the author provides a brief overview of field science research, surveying different approaches and disciplinary backgrounds. The main part of the paper is devoted to a comparative analysis of field and laboratory science. This distinction is not based on the formal attribute of conducting research in the field, but on the different procedures of acquiring knowledge. Laboratory epistemology, in which experiments play a crucial role, is based on the procedures of the reduction of complex and holistic appearances. It also includes a decompositional methodology of analysis and subsequent rationally controlled synthesis, which underpins the production of modern technology. Field science, which has crystallized in various modern scientific disciplines under the significant influence of Alexander von Humboldt, is holistic, with a wide degree of variation

Acknowledgement: The results of the project “Field Studies: Science beyond Laboratories and Libraries and Its Contemporary Transformations”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2021, are presented in this work.

- 1 Vitaly A. Kurennoj — PhD, Director of the Institute for Cultural Research, HSE University, Professor at the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. Research interests: Philosophy and socio-political theory of the 19th and 20th centuries, main trends of modern culture, sociology and institutional history of knowledge. Email: vkurennoj@hse.ru.

in the ontological structure of this holism. It ranges from the traditional 'organism' model to more fluid and dispersed ontologies in which the organism is viewed in relation to its environment. This increase in complexity also corresponds to the development of conceptual means of analysis, where classical organicism is replaced by systems theory, cybernetics, etc. Epistemologically, holism comes in the form of a hermeneutic model of cognition, in which the "whole" and the "part" have a fundamentally fluid and open character. Hermeneutic epistemology allows us to integrate the problematic of historicism into the field model of research. Field models of scientific research are united despite disciplinary differences by a number of common epistemological features derived from these fundamental features of the field epistemology. In the last part of the article, the field epistemological model is compared with a number of models of the so-called "new ontologies" (actor-network theory, assemblage theory), and the author comes to the conclusion that there are structural similarities between them. In this paper we will also look at the role of historicism in shaping the modern theory of science.

Keywords: Field Science, Laboratory Science, Holism, Hermeneutics, Historicism, New Ontologies, STS.

10

В настоящее время тема полевой науки занимает все большее внимание различных категорий исследователей, далеких от практики самих полевых исследований. Прежде всего здесь следует отметить историков науки (часто также являющихся специалистами в изучаемой научной области), все шире практикующих данную дисциплину в сравнительно классическом смысле слова (например: [De Bont 2015; Федотова 2012; Vetter 2011; Фокин, Смирнов, Лайус 2006; Горяшко 2022]). Более специфическую перспективу задают социальные исследователи (см. статью Пола Венцель Гейсслера и Энн Х. Келли¹), которых можно отнести, скорее, к направлению исследований науки и технологий (STS) в том смысле, как они развиваются с конца 1970-х гг. [Latour, Woolgar 1979]. Следуя основным современным тенденциям в этом исследовательском поле, последние фокусируются на проблематике полевых «практик», «телесности», «домашней интимности» и широко задействуют перспективы постколониальных исследований (на российском материале см.: [Иванов 2020]). Можно, впрочем, обратить внимание на то, что интерес к полевой науке появляется у историков науки и социальных исследователей существенно позже, чем к исследованию лабораторий, но их работа здесь порождает сходные эффекты, вовлекая в поле своего внимания те

1 Публикуется в настоящем номере журнала, см. также спецвыпуск журнала «Social Studies of Science» (2016, № 6). Все статьи данного номера будут подробнее представлены в конце этого текста.

фактические обстоятельства и детали производства знания, которые, как правило, выносились за пределы артикуляции результатов работы ученых, занятых в полевых стационарах или экспедициях. В этом же русле сами полевые исследователи — как природы, так и человека — начинают уделять внимание собственным «практикам» работы [Canfield 2011; Klemun, Spring 2016].

В качестве отдельного сегмента исследований, так или иначе связанных с полевой наукой, можно выделить работы, посвященные истории окружающей среды (*environmental history*)¹ и охраны природы. Несмотря на то, что в России последняя область имеет чрезвычайно богатую и специфическую историю, она в наибольшей степени привлекает именно зарубежных, а не современных отечественных исследователей [BRAIN 2011; Вайнер 1991; Weiner 1999]. Междисциплинарный подход, в рамках которого рассматривается значение пространства и, в том числе полевых и экспедиционных наблюдений для становления экологического взгляда на мир, реализован в коллективной монографии под редакцией Рафа де Бонта и Йенса Лакмунда «Опространствливание истории экологии: места, путешествия, картирование». «Пространство, — отмечают составители, — ... не является ни нейтральной, ни тривиальной средой для производства знания. Значение имеет то, какие пространства экологи выбирают в качестве предмета исследований, как эти пространства расчерчиваются, классифицируются и осматриваются, как они обследуются, что в них собирается, как они картируются» [Bont, Lachmund 2017: 2].

11

До настоящего времени в исследовательской литературе по истории науки не проанализирован сколько-нибудь подробно чрезвычайно богатый и разнообразный сегмент отечественной литературы, связанный с организационной и методологической практикой полевой работы [в частности: Фрадкин 1950; Пржевальский 1888; Ферсман 1929; Громов 1966].

Особым образом дела обстоят с полевыми науками о человеке — этнографией и культурной (или социальной) антропологией. С одной стороны, начиная с полевой «революции» Б. Малиновского, рефлексия «полевой работы» — конститутивный элемент научного самоконтроля этих дисциплин, разворачивающих свои наблюдения вне прямого доступа и контроля со стороны других ученых (к эпистемологическому самоконтролю в настоящее время добавился еще этический и политический). С другой стороны, как замечают А. Гупта и Дж. Фергюсон, «эта идея “поля”, хотя и занимает

1 См. российский электронный ресурс, посвященный экологической истории: <http://environmentalhistory.ru/>

центральное место в нашей интеллектуальной и профессиональной идентичности, остается в значительной степени не изученной в современной антропологии. ... Это таинственное пространство — не “что” антропологии, а “где” — было оставлено здравому смыслу, за порогом рефлексивности и ниже ее» [Gupta, Ferguson 1997: 2]. Впрочем, этот недостаток с тех пор был компенсирован развитием, как минимум, практик автоэтнографического письма [Рогозин 2015]. Еще одно примечательное расширение проблематики «поля» заключается в том, что формат полевых исследований начинают использовать представители дисциплин, которых ранее было трудно представить за пределами кабинетов и библиотек, например, литературоведения [Puri, Castillo 2016].

В настоящей статье мы опираемся, в том числе, на собственный полевой опыт исследования полевой науки, полученный начиная с 2018 года в рамках культурологических экспедиций, охвативших широкую сеть российских полевых научных стационаров¹. В ходе этих экспедиций мы наблюдали широкий спектр различных полевых практик, удачных и неудачных технологий сохранения и воспроизводства различных видов живых существ, познакомились с уникальными формами длительного наблюдения и экспериментирования, преемственно реализующихся многими поколениями ученых². Научные стационары позволяют увидеть, что научные дисциплины — действительно, а не гипотетически-проективно — функционируют как «сложный механизм по *наделению миров даром речи и обучению письму*, как всеобщее обучение грамоте немых су-

12

1 Перечень основных особо-охраняемых природных территорий, музеев-заповедников, морских биологических станций и сельскохозяйственных институтов, которые посещались в рамках экспедиций см. в статье А. Сувалко и М. Фигуры, публикуемой в настоящем номере журнала.

2 Например, в ходе одной из экспедиций нам довелось принять участие в уникальной «декадной станции» беломорской биологической станции Зоологического института РАН «Картеш» — контрольном замере свойств воды и сборе планктона, проводимого каждые 10 дней, начиная с 1958 года. Еще более длительный цикл постоянных наблюдений в России осуществляется в Каменной степи, где сейчас располагается Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы имени В. В. Докучаева (Воронежская область) — это замер грунтовых вод (ведется более 100 лет), а также продолжающийся многие десятилетия эксперимент на так называемых косимых и некосимых участках степи: первые каждый год выкашиваются, вторые остаются нетронутыми. Самый старый некосимый участок был заложен в 1892 года, когда экспедиция Докучаева начала здесь свои эксперименты над разработкой мер, способных предотвращать засухи, и позволяет наглядно видеть во что за столетие превратились бы черноземные степи без вмешательства человека.

ществ» [Латур 2018: 85]: именно это, например, делает в Воронежском заповеднике Борис Ромашов, изучающий паразитов бобров [Ромашов 2015], а в Ростовском заповеднике — Владимир Казьмин, изучающий кормовую базу мустангов, обитающих на острове посреди озера Маньч-Гудило [Казьмин 2013]. Однако в данном случае мы дистанцируемся от конкретных интереснейших кейсов и практик, чтобы сосредоточиться на более формальном вопросе о специфике онтологии и эпистемологии полевых исследований. К такой постановке вопроса подталкивают, в частности, многие провокационные рассуждения Бруно Латура, который в одном из интервью, например, утверждает следующее: «теперь, в XXI веке, эти науки [изучающие поверхность Земли — В. К.] вместе начинают смотреть на то, что происходит, так сказать, «на месте», а не в лаборатории, то оказывается, что скала, водораздел, поле — они радикально отличаются от того, что казалось лабораторной науке» [Латур 2019]. Вопрос о специфике лабораторной и полевой науки вовсе не сводится к различию того, как и какие именно ученый видит предметы на природе и в лабораторных условиях. Ниже мы постараемся показать, что он выводит нас на новый уровень рассмотрения, который позволяет, во-первых, выявить структурное единство онтологий и эпистемологий поверх дисциплинарных различий социально-гуманитарного и естественно-научного знания (что объясняет, в том числе, и тематическое разнообразие настоящего номера журнала): «полевая наука» в таком случае становится уже не зонтичным понятием, которое формально объединяет некоторый набор дисциплин, но определенной эпистемой, обладающей как онтологической, так и гносеологической спецификой. Во-вторых, анализ этой эпистемы и ее структурная вариативность позволяет, на наш взгляд, прояснить логику порождения и трансформаций «новых онтологий», равно как и их эмансипаторную аттрактивность¹. Предложенная здесь постановка вопроса предполагает, что нам также придется постоянно обращаться к сопоставлению полевой и лабораторной науки. Лабораторная наука исследована, впрочем, намного лучше, чем полевая, что позволяет нам ограничиться более краткой ее характеристикой.

13

Не всякая наука, действующая в поле, является полевой

Различие лабораторной и полевой науки может быть прослежено в форме двух различных эпистемологических моделей, но оно

¹ На русском языке наиболее репрезентативно эту проблематику, объединяющую акторно-сетевую теорию и другие варианты «плоских онтологий», представляют три первых номера журнала «Логос» за 2017 г.

не основано на самом факте вынесения элементов научной инфраструктуры в «поле». Появление многих научных стационаров, вынесенных за пределы привычной для науки городской и университетской среды, обусловлено исключительно особенностями наблюдения (например, астрономические обсерватории) или доступа к материалу и работы с ним. Морские биологические станции, являющиеся старейшей формой комплексного полевого научного стационара, который может быть вынесен далеко за пределы городской среды (например, современная Беломорская биологическая станция МГУ — это крупнейшая в мире изолированная морская биостанция), появляются на морских побережьях в силу сложностей сохранения и транспортировки их эмпирического материала — образцов морской флоры и фауны. В остальном эти полевые стационары работают как обычные лаборатории, оснащенные, нередко, по последнему слову техники.

14

Кроме того, полевые стационары часто выступают как инструмент сбора эмпирической информации на больших пространствах — так последовательно возникали сети метеостанций, станций наблюдений за приливами и сбора геофизических данных (см.: [Аронова 2020]) и т. д. В качестве таких станций наблюдения функционируют в значительной мере также научные стационары заповедников. Основная закрепленная за ними функция — ведение т. н. «летописей природы», представляющих собой ежегодное описание состояния природы на охраняемых территориях¹. Что касается полевого сбора эмпирической информации об обществе, то практики подобного учета существовали у всех крупных государств с глубокой древности. В обществах модерна эти практики интенсивно развиваются, формируя системы государственной статистики [Porter 1988]. Из этих практик учета и наблюдения за обществом вырастает, наконец, современная социология. Подобно метеорологическим станциям, наблюдающим за движением облаков, появляются аналогичные стационары, призванные наблюдать за движением общества: так в СССР в 1988-1990 гг. возникает «сеть опорных региональных баз интервьюеров», созданная Б. А. Грушиным [Гудков 2006: 209; Братерский, Кулешова 2020]. Работа интервьюера, конечно, существенно отличается от работы метеоролога, хотя и тот и другой могут сталкиваться при этом с существенными сложностями. Однако в эпистемологическом отношении они реализуют одну и ту же роль — собирают эмпири-

1 Первая российская кодификация «летописей природы» была выпущена в 1940 году Главным управлением по заповедникам при СНК РСФСР (Летопись природы заповедника. Инструкция по ведению Летописи природы. — М., 1940), и с тех пор регулярно обновляется.

ческие данные, структурированные строго определенным образом (речь идет в данном случае об интервьюере, проводящего «опросы общественного мнения» по готовой анкете).

«Полевым» в этих исследованиях является, таким образом, сбор данных, которые могут использоваться и для проверки различных гипотез, а также для построения моделей. Моделирование — особый эпистемологический сегмент науки, получающий все большее развитие по мере роста технологических возможностей сбора данных и совершенствования вычислительной техники [Вартофский 1988; Steager, Lunbeck, Wise 2007]. Технологические изменения самым существенным образом меняют и методы такого рода сбора эмпирических данных. Как в случае наблюдений за погодой, так и в случае наблюдений за морем, это происходит путем замещения людей автономными и автоматизированными станциями. Структурно сходный технологический сдвиг происходит и в социологии, где «полевые интервьюеры» были на наших глазах существенно потеснены удаленной индустрией телефонных, а затем и сетевых опросов, большие данные, собираемые различными платформами и приложениями, также грозят существенно сократить и реконфигурировать поле социологических исследований общества и происходящих в нем процессов.

15

Полевая наука в эпистемологической иерархии знания

Эпистемологическое различие между лабораторной и полевой наукой может быть концептуализировано в нескольких основных плоскостях. Первой из них является эпистемологическая иерархия видов знания, в рамках которой форма общезначимой теории имеет более высокий эпистемологический статус, чем эмпирическое знание единичного и случайного. Эта иерархия имеет почтенный возраст и восходит к Аристотелю: «Через чувственное восприятие нет [доказывающего] знания. Ибо хотя чувственное восприятие есть восприятие определенного свойства, а не [просто] определенного нечего, однако необходимо воспринимается определенное нечего (tode) где-то (pou) и теперь (nun). Общее же и содержащееся во всех [предметах данного вида] воспринимать чувствами невозможно, ибо оно не есть определенное нечего и существует не [только] теперь, иначе оно не было бы общим. А общим мы называем то, что есть всегда и везде. А так как доказательства касаются общего, общее же нельзя воспринимать чувствами, то очевидно, что через чувственное восприятие нет [доказывающего] знания» [Аристотель 1978: 87b 27-34]. То же касается и знания случайного: «о случайном, [или приходящем], нет знания через доказательство. Ибо случайное не есть

ни то, что необходимо бывает, ни то, что бывает большей частью, а оно есть нечто такое, что происходит помимо того и другого. Между тем доказывается либо то, либо другое» [Аристотель 1978: 87b 18-21]. Общее и необходимое, в свою очередь, связаны между собой: «Под общим я разумею то, что́ присуще всем [предметам, принадлежащим к данному роду], и само по себе, и поскольку оно есть то, что́ оно есть. Очевидно, поэтому, что все, что́ есть общее, присуще вещам необходимо» [Аристотель 1978: 73b 25-27].

Это иерархически-подчиненное положение полевого знания фиксируется как исследователями полевой науки¹, так и внутри отдельных дисциплинарных областей знания². Данная иерархия неоднократно переопределялась в поле современных гуманитарных исследований, где знанию о единичном (индивидуальном) приписывался вес, равный весу знания общетеоретического. Именно на основании обращения к индивидуальному В. Виндельбанд и Г. Риккерт определяли специфику «идеографических» «наук о культуре», противопоставляя их «номотетическим» «наукам о природе» [см.: Windelband 1904; Риккерт 1998], а Ф. Майнеке определяет сущность «историзма» [Майнеке 2004] с помощью двух основных понятий — индивидуальность и развитие.

16

Лабораторная наука

«Действительность, внутри которой движется и пытается оставаться сегодняшний человек, все больше определяется тем, что называют западноевропейской наукой», — эти слова Мартина Хайдеггера из работы «Вопрос о технике» [Хайдеггер 1993: 239] весьма емко определяет нашу реальность, в которой наука, зародившаяся в Европе в Новое время, прогрессирующим образом преобразует наш мир на основе техники и технологий, производимых в стенах именно лабораторий (как научных, так и производственных). Зарождение и формирование современного естествознания и со-

1 «Историки и социологи науки до недавнего времени уделяли мало внимания полевым наукам. Несомненно, пренебрежение этими дисциплинами отражает их относительно низкий академический статус, а ученые получают свой статус, по крайней мере отчасти, от статуса своего предмета. Определяя научную строгость в соответствии со стандартами лабораторий, ученые сочли, что эта область является местом скомпрометированной работы: полевые науки имеют дело с проблемами, которые не поддаются четким решениям, и они не исключают участников-любителей» [Kuklik, Kohler 1996: 1].

2 См., в частности, анализ работы данной иерархии в лингвистике в статье А. Космарского в этом номере журнала.

пряженных с ним технологий связано с появлением научного эксперимента в современном смысле слова, оптимальным пространством для которого стала, в конечном счете, лаборатория. Эксперимент представляет собой метод точного (количественного) наблюдения за явлениями, который обеспечивает необходимый и достаточный контроль над значимыми для исследования факторами и их параметрами. Для создания таких искусственных условий и нужны лаборатории как изолированные и особым образом оборудованные пространства. Важнейшая функция экспериментов — эмпирическая проверка гипотез (имеющих общезначимую теоретическую и математическую форму), позволяющая делать выводы относительно их истинности или ложности. Именно так понимается основная роль экспериментальной науки в стандартной дедуктивно-теоретической рамке позитивистской модели научного исследования: «Теоретик ставит перед экспериментатором некоторые определенные вопросы, а последний в ходе своих экспериментов пытается получить определенный ответ именно на эти, а не на какие-либо другие вопросы. ... именно теоретик указывает путь экспериментатору» [Поппер 2004: 98-99; ср. Eberhard 1999: 36-46]. Существуют, впрочем, и другие формы экспериментов, которые не ставят себе задачу проверки гипотез, например, поисковые эксперименты, однако они, в конечном счете, играют подчиненную и служебную роль в производстве общезначимого научного знания. В биологии также далеко не все эксперименты направлены на проверку уже сформулированных теорий, важную роль здесь играют экспериментальные процедуры, направленные на установление «истинной причины» (*vera causa*) биологических явлений [Weber 2018]. Современная модель экспериментальной науки возникает посредством отказа от предшествующей (аристотелевской) модели получения знаний о природе, которая исходила из того, что такое знание не может быть получено путем нарушения естественным образом протекающих природных процессов. Достижение требуемого экспериментальной наукой уровня контроля и точности измерений реализуется за счет аналитического упрощения и редукции комплексных явлений и процессов, выделения только тех их элементарных составляющих, которые позволяют выявлять и устанавливать исследуемые каузальные отношения. Помимо экспериментов лабораторная наука реализует научные исследования в форме декомпозиционного анализа сложных феноменов (веществ, организмов и т. д.) на их элементарные составляющие (именно этим занимались первые европейские лаборатории — химические [James 1989] — в соответствии со вторым правилом метода Декарта, а в некоторых случаях — также и синтеза, как это и предписывает третье правило картезианского метода [Декарт 1989: 260]. Анализ

и последующий синтез (понимаемый как воссоздание проанализированного целого), осуществляемый в рационально контролируемых условиях лабораторий, являются основой развития современных технологий, которые представляют собой системы, собранные под теоретическим контролем полученных знаний и предназначенные для выполнения определенных функций. Лабораторию как таковую можно определить в качестве пространства, изолированного от внешнего мира для реализации подобных экспериментальных процедур анализа/синтеза. Важной особенностью лабораторного эксперимента во всех его разновидностях является его рациональный характер, под чем понимается также такая особенность лабораторной науки как ее безличность, независимость от конкретного субъекта или коллектива исследователей, что в эпистемологических категориях описывается термином «воспроизводимость». Данные, полученные в лабораториях, научны постольку, поскольку в принципе могут быть воспроизведены: «имеющий научную значимость *физический эффект* следует определить как такой, который может быть неоднократно воспроизведен любым человеком, выполняющим соответствующий эксперимент предписанным образом» [Поппер 2004: 43]. Соответственно, отсутствие воспроизводимости является скандальным для научного эксперимента, хотя и может интерпретироваться учеными как позитивный фактор, стимулирующий дальнейший научный поиск [Bohanon 2015]. После того, как технология создана, она может начать свое победное шествие из лаборатории в мир, однако таким образом, что одновременно с этим создается более или менее обширная инфраструктура, обеспечивающая ее функционирование, — это верно как в отношении вакцины, применение которой требует определенных условий, так и в отношении автомобиля, который не мог бы занять нынешнее место в нашем мире, если бы не возникла сеть приспособленных для его движения дорог, парковок, заправочных станций, ремонтных мастерских и т. д.¹ Эту трансформацию как

1 Эта схема может быть прослежена и в области социальных наук. Здесь тоже есть свои лаборатории — письменные столы теоретиков и мониторы экспертов, оперирующих статистическими или социологическими данными, собранными и препарированными особым образом. Используемые здесь аналитико-синтетические процедуры позволяют выделять особую сущность — социальную, экономическую, демографическую и т. д. — «проблему». Соответственно, здесь же проектируется и технология ее решения — гипотетические условия, при которых будут возникать желаемые социальные, экономические и т. д. «эффекты», позволяющие с этой проблемой справиться. Для их достижения проектируется определенная инфраструктура — институционально-правовая, организационная и материальная. В зависимости от того, насколько эта инфраструктура, вынесенная

раз и описывает формула Бруно Латура «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир» [Латур 2002]. В целом этот процесс можно определить как прогрессирующую рационализацию мира, поскольку его непонятные, спонтанные и опасные явления, во-первых, становятся транспарентными в перспективе полученных в лабораториях знаний, во-вторых, по возможности нейтрализуются с точки зрения вопросов безопасности, а также замещаются и усовершенствуются посредством технологий, которые представляют собой системы, созданные на основе лабораторных процедур для реализации определенной человеческой прагматики. Структурным моментом такой рационализации является также процесс стандартизации технологических продуктов и их тиражируемость. Это мир «классической философии» в том виде, как он был описан в судьбоносной для советской и последующей российской философии «статье трех авторов» [Мамардашвили, Соловьев, Швырев 1972], в которой он представляется «в качестве хотя и несоизмеримой по масштабу с самим человеком, но вместе с тем соразмерной его мысленным действиям рациональной конструкции, в качестве объективного целого, самоупорядоченного, самовоспроизводящегося и законосообразного». Таким образом структурированный техникой мир в культуркритическом ключе определен Мартином Хайдеггером в качестве «постава» (Gestell), подчиняющего природу наличной прагматике современного человека: «На Рейне поставлена гидроэлектростанция. Она ставит реку на создание гидравлического напора, заставляющего вращаться турбины, чье вращение приводит в действие машины, поставляющие электрический ток, для передачи которого установлены энергосистемы с их электросетью. В системе взаимосвязанных результатов поставки электрической энергии сам рейнский поток предстает чем-то предоставленным как раз для этого» [Хайдеггер 1993: 226].

19

Эпистемологическая особенность лабораторной науки определяется тем, что она, во-первых, представляет собой пространство для формулировки и проверки общезначимых научных гипотез и теорий, во-вторых, фабрику производства рациональных технологий, которые затем «переворачивают мир», т. е. прогрессирующим обра-

в социальную реальность государством, «гражданским обществом» или корпорациями, оказывается удачной, ожидаемый эффект достигается с той или иной степенью успешности. Таково рутинное течение событий, но иногда теоретическая и обычно малоприметная социальная лаборатория запускает цепную реакцию, которая ведет к тому, что общество все и сразу становится пространством эксперимента (обычно его называют «революция»), который должен переустроить к лучшему все его состояние в целом.

зом замещают если уже и не «заколдованную» в смысле Макса Вебера, то по меньшей мере непрозрачную совокупность природных явлений техникой и технологиями, созданными в процессах рационально контролируемых процедур анализа и синтеза. Именно этот процесс замещения и является формой «покорения природы», которую производит современная цивилизация, основанная на новоевропейском типе научного знания. Сама по себе технология этой работы, протекающей в стенах изолированной от окружающего мира лаборатории, основана на том, что исследуемые явления изымают из природной тотальности и целостной взаимосвязи, в которых они существуют «по природе» с тем, чтобы можно было осуществлять контроль требуемых параметров эксперимента, а также контроль процессов анализа и синтеза¹. Хотя научная лаборатория создана для производства общезначимого научного знания, а также технологий, тиражируемых затем по всему миру, ее работа основана на изъятии явлений из их естественного контекста, — процедуре, которую также можно назвать редукцией сложности природной целостности и комплексности. Таким же образом действует и экспериментальная психология, возникшая в первой психологической лаборатории, открытой Вильгельмом Вундтом в Лейпциге в 1879 году. Она изучает не человека в его «естественном» целостном социальном контексте, но, изымая человека из него, исследует отдельные психологические эффекты и социально-психологические явления в изолированной и контролируемой лабораторной ситуации. Многие полевые научные стационары, такие как биологические станции, никак не отличаются по эпистемологическим принципам своей работы от данной модели. Эпистемологическую модель лабораторной науки, таким образом, можно назвать аналитически-редукционистской. Создаваемые на основе этой редукции новые целостности (техника и технологии) обладают качественно иными характеристиками по отношению к тем природным явлениям, на основе анализа которых они возникли, открывая широкое поле современных дискуссий по поводу их принадлежности к области природы или культуры, позволяя в то же время на этом основании ставить под сомнение само наличие этой границы [Латур 2006].

1 Иногда, разумеется, для этого можно обращаться и к собственно природным явлениям, но только в том случае, если возможно точно контролировать необходимые параметры, как случилось в случае солнечного затмения 29 мая 1919 года, когда фотографическая возможность зафиксировать искривление траектории светового луча под воздействием гравитационной массы Солнца выступило в качестве «решающего эксперимента», подтвердившего общую теорию относительности А. Эйнштейна и фальсифицировавшего теорию И. Ньютона.

Разумеется, изложенная выше эпистемологическая модель лабораторной науки является неизбежным упрощением, приближенным к теоретическому стандарту позитивистской теории науки. Современные исследования науки и технологий с начала 1980-х гг. усиленно размывали данную картину рационального производства знания (например [Latour, Woolgar 1979; Knorr-Cetina 1981; Woolgar 1981]), однако, на наш взгляд, не слишком преуспели в этом, поскольку данный позитивистский стандарт продолжает оставаться важной составляющей представлений лабораторных ученых о самих себе. Аллан Франклин и Слободан Перовик — авторы актуальной статьи в стэнфордской энциклопедии философии, посвященной эксперименту в физике, — резюмируют свою работу весьма стандартным для позитивистской модели перечислением функций эксперимента в этой научной сфере: «эксперимент позволяет осуществить выбор между двумя конкурирующими теориями, побуждает формулировать новую теорию, может подтвердить теорию, опровергнуть теорию, предоставляет доказательство, определяющее математическую форму теории, и также позволяет получить доказательства в пользу существования элементарной частицы, которую предполагает принятая теория» [Franklin, Perovic 2019].

21

Полевая наука

Название книги Андреа Вульф «Александр фон Гумбольдт и изобретение природы»¹ весьма точно отражает роль ее героя в истории современной науки. Гумбольдт, разумеется, не был первым ученым, совершавшим полевые экспедиции. Однако масштаб его поездок и научной работы, огромный объем собранных материалов и коллекций, а также литературная, визуальная и лекционная форма презентации результатов этих путешествий делают его важной точкой отсчета для многих научных дисциплин, создающих свои формы полевой работы в XIX веке — в контексте становления и кристаллизации научного знания в его современной форме. Гумбольдт все еще является представителем аристократической и «дилетантской» науки XVIII века, той ее стадии, которая еще не прошла период профессионализации и специализации. Но именно он стал вдохновителем ряда последующих поколений ученых (а иногда и художников), которых мы считаем уже вполне современными.

¹ Название приведено по немецкому оригиналу, в российском издании название книги звучит как «Открытие природы: Путешествия Александра фон Гумбольдта» [Вульф 2019].

ми. В книге Вульф можно найти отдельные главы, посвященные этому влиянию в жизни и творчестве Чарльза Дарвина, Генри Торо, Эрнста Геккеля и т. д. Если обратиться к российскому контексту, то к этому перечню следует добавить Карла Руде, Петра Семенова-Тян-Шанского, Николая Данилевского, Андрея Бекетова и многих других выдающихся ученых и путешественников, занимавшихся полевыми исследованиями. Когда начал выходить его пятитомный «Космос» (1845-1862), Гумбольдт уже был всемирно знаменитым ученым. Именно этой работе мы обязаны популярности самого понятия «космос», вошедшего благодаря этому также и в русский язык. Философская идея природы, которой руководствовался Гумбольдт, возникла и была сформулирована в тесном творческом сотрудничестве с Гёте, а также на основании философских идей Канта и Шеллинга. В центре этого понимания лежит модель организма, противопоставленная механическому принципу взаимосвязи: в организме целое определяют части, в механизме же целое является суммой своих частей. Восприняв эту идею от Гёте (впрочем, здесь трудно указать один источник — «органицизм» представлял собой весьма широкое идейное течение с конца XVIII в., противопоставившее себя «механицистскому» рационализму XVIII века), Гумбольдт масштабировал ее на универсум в целом: «Он понимал мир природы как единое целое, движимое взаимодействующими силами. Этот новый способ мышления поменял его подход. Раз все взаимосвязано, то важно различать различия и сходства, стараясь не терять из виду целое. Сравнение, а не математические числа и абстракции, стало для Гумбольдта значимым средством понимания природы» [Вульф 2019: 47].

Данная эпистемологическая модель представляет собой, таким образом, органицистский холизм, основанный на идее целостной и всесторонней взаимосвязи¹: «Главным моим побуждением все-

1 Здесь и далее понятие «холизм» используется в том смысле, в каком он употребляется в контексте аналитической философии — как «смысловый холизм» (meaning holism), а не в смысле дискуссии в социальных науках, которая ведется между холизмом (индивид полностью определен целостными структурами общества) и индивидуализмом (существуют только индивиды и их поведение). Понятие смыслового холизма используется в современных дискуссиях, прежде всего, отталкиваясь от работы Куайна «Две догмы эмпиризма», в которой он формулируется, в частности, следующим образом «Подвергнув переоценке одно высказывание, мы оказываемся вынужденными подвергнуть переоценке и целый ряд других, которые могут быть как высказываниями, логически связанными с первым высказыванием, так и высказываниями о самих логических взаимосвязях. ... Если эта точка зрения верна, то ошибочно говорить об эмпирическом содержании отдельного высказывания» [Куайн 2000 (1951: 364)]. Данная мо-

гда было стремление обнять явления внешнего мира в их общей связи, природу, как целое, движимое и оживляемое внутренними силами» [фон Гумбольдт: III]. Вторая важнейшая характеристика этой модели — не только ее эпистемологическое, но и эстетическое содержание. Мобилизуя семантические возможности греческого понятия «космос», Гумбольдт понимает целостную природу также как предмет созерцания и связанного с ним эстетического переживания, открывающего важнейший аспект природы как таковой: «Я стремился представить картину природы в целом и показать взаимодействие ее сил, а также воспроизвести то наслаждение, которое получает от непосредственного созерцания тропических стран человек, способный чувствовать» [фон Гумбольдт 1959: 21-22]. Космос, таким образом, — это одновременно порядок мира и его красота.

Использование холистической модели организма не было уникальной идеей Гумбольдта, однако он построил ее в грандиозный масштаб своих исследований природы, обеспечив ей огромную популярность в момент конституирования множества современных научных дисциплин и направлений. Возник феномен, который современные исследователи называют «гумбольдтианской наукой» [Dettelbach 1996: 287-304].

23

Здесь мы не имеем возможности проследить, каким образом эта модель органицистского холизма исторически трансформировалась в различных практиках полевых исследований и определении той комплексной предметности, на изучение которой они были направлены. Идея научных стационаров, связанных с научным наблюдением целостного состояния природы, лежит в основе самой модели заповедника, причем эта целостность со временем лишь расширяет свои границы (появление биосферных заповедников, планета Земля как экологическое целое). В биологических дисциплинах можно выстроить длинный ряд научных теорий, вводящих новые целостные системы (комплексные природные «организмы») — это гидрология и лимнология (Г. А. Кожевников и И. П. Бородин), почвоведение (В. В. Докучаев), лесоведение (Г. Ф. Морозов), геоботаника и фитосоциология (И. К. Пачоский, В. Н. Сукачев) и др. Последний случай интересен тем, что позволяет обнаружить переход от естественных к социальным дисциплинам. Как раз у Пачоского и Сукачева предметом наблюдения и исследования стано-

дель холизма, на наш взгляд, лучше отражает интуицию всеобщей взаимосвязи ранних органицистов и, в частности, Александра фон Гумбольдта, которым, конечно, никогда бы не пришло в голову приносить индивидов в жертву какой-то тотальной целостности (а именно так трактуется холизм в социальных науках).

вятся целостные растительные «сообщества» [например: Сукачев 1917]. Немного ранее Эмиль Дюркгейм¹ — один из отцов-основателей современной социологии — превращает биологическую модель организма и его специализированных функций в конститутивную модель для собственной концепции обществ, эволюционирующих от «механической» к «органической» форме общественной интеграции [например: Дюркгейм 1996: 48]. Определение «сообщества» как «организма», а «общества» как «механизма» является, в свою очередь, конститутивным для социальной теории Фердинанда Тённиса [Тённис 2002: 9]. Если пунктирно проследить эту эволюцию далее, то она ведет к появлению теории систем Людвига фон Берталанфи², далее — к кибернетическим моделям и различным социологическим теориям систем, все также продолжающих ориентироваться на биологические и кибернетические модели (Никлас Луман). В недавнем исследовании Руслан Хестанов показал, каким образом кибернетическая проблематика различия «аналогового» и «цифрового» (наследующего, добавим мы от себя, различию «органического» и «механического») входит во внутреннюю структуру таких постмодернистских авторов, как Жак Деррида и Жак Лакан [Хестанов 2020]. Наконец, современные исследователи обнаруживают, что вся актуальная проблематика «органицизма», «органологии» и кибернетики, восходит ... к трудам Канта и Шеллинга, и, следовательно, «необходимо снова обратиться к понятию органического и заново прояснить условие философствования в перспективе «становления органическим», к которому в планетарном масштабе перешли цифровые машины» [Хуэй 2020: 19].

Рассмотрим теперь основные импликации, которые следуют из органицистского холизма «гумбольдтианской науки» для понимания интегрирующих особенностей полевой эпистемологии. Предварительно, однако, необходимо сделать два принципиальных эпистемологических разъяснения, касающихся онтологического и гносеологического модуса этой холистской модели. Во-первых,

1 Еще более ранний пример продуктивного использования модели организма в начальной фазе развития социологии дает Герберт Спенсер.

2 Берталанфи следующим образом комментирует генезис собственной теории систем: «Настоящий автор в начале 20-х годов был озадачен очевидными пробелами в исследованиях и теории биологии. Упомянутый механистический подход, преобладавший в то время, казалось, пренебрегал или активно отрицал то, что является существенным в феномене жизни. Он выступил за органицистскую концепцию биологии, которая подчеркивает рассмотрение организма как целого или системы, и видит главную цель биологических наук в открытии принципов организации на ее различных уровнях» [Bertalanffy 1968: 12]

понятия «часть» и «целое», а также описание определенной формы отношений между их содержанием являются конститутивными для онтологической модели организма. В этой концептуальной рамке они описывают определенную предметность, т. е. задают некоторую конфигурацию конкретно-дисциплинарной онтологии, концептуализируемой и исследуемой с помощью этих моделей. По мере развития и усложнения этих моделей они приобретают не только более универсальный (включая, в рамках кибернетических моделей, как объекты живой, так и объекты неживой природы и т. д.), но и более процессуальный и дисперсный характер. В кибернетике или «органологии» Юка Хуэя решающую роль начинают играть понятия «информации», «коммуникации» (Н. Луман), «обратной связи», «рекурсивности» и т. д. Это предметно-онтологическое и понятийное расширение в значительной степени связано с тем, что холистскую модель организма можно превратить в более подвижную и дисперсную, приняв во внимание контекст его существования, которая, в случае биологических исследований, выступает в форме «окружающей среды». Именно такого рода расширение и переориентация позволили Ч. Дарвину перейти от традиционных для предшествующей биологии задач таксономии и анализа внутреннего строения живых организмов к вопросу их эволюции в форме приспособления к окружающей среде. Любая подобная переориентация от целого организма к контексту его существования стимулирует процессуальность и размытие контурной границы целого. Это хорошо иллюстрирует различие между структурализмом и постструктурализмом в области социальных и гуманитарных исследований. Программа структурализма, восходящая к анализу волшебной сказки Владимира Проппа, исходит из того, что имеет дело с целостным и завершенным феноменом (полного описания возможных вариаций сюжета волшебной сказки). Именно это позволяет произвести ключевую для структурализма операцию: выделить элементы (части) этого целого и определить их функции. Однако если данное целое помещается в более широкий контекст, который признается связанным с этим целым («окружающая среда» этого «организма»), то мы получаем целый спектр разного рода постструктуралистских программ, в которых четкость элементов и их функциональных ролей существенно размывается. Например, с помощью структуралистского подхода мы можем хорошо проанализировать отдельное произведение автора. Но если мы допускаем, что прочтение этого произведения находится под существенным влиянием внешнего контекста, например системы «коннотаций», возникающих у читателя при прочтении (Р. Барт), то в таком случае мы получаем один из вариантов постструктуралистской исследовательской программы. Отказ от такого рода тотальной замкнутости

в понимании, например, общества, является важным элементом критики структурализма также и в социологии (где он отливается в различные варианты теории систем), которую структурализм пытается купировать, вводя более сложные биологические или кибернетические модели, принимающие во внимание систему связи с контекстуальной внешней средой.

Описанное здесь явление постепенной эрозии органицистской онтологии в случае перенесения внимания на окружающий этот организм контекст, разумеется, формирует вопрос о структуре самого контекста, который также может быть как-то определен (из структурной предсказуемости контекста исходят различные кибернетические модели). В философском смысле здесь возникает известная проблема мира как целого, а также стандартный ответ Канта на этот вопрос — мир в целом не является предметом, данным в опыте, а предположения о том, как он устроен (помимо наблюдаемой в опыте причинно-следственной взаимосвязи) — это регулятивная, а не конститутивная идея: «регулятивная идея чисто спекулятивного разума есть понятие мира вообще» [КЧР: В 712]. Одна из ошибок, связанная с тем, что данная идея приобретает конститутивный смысл, квалифицируется Кантом как «ленивый разум» (*ignava ratio*). Она возникает в том случае, когда «мы рассматриваем свое исследование природы, где бы то ни было, как безусловно завершенное, ввиду чего разум удаляется на покой, как если бы он полностью закончил свое дело» [КЧР: В 717-718]. Иными словами, окружающая среда всех возможных организмов и частных сред — «мир вообще» — у Канта не определен и не определим, что оставляет горизонт познания всегда открытым также и в каждой своей отдельной части¹. Тем самым мы переходим из онтологической плоскости в эпистемологическую и герменевтическую. Задержимся, однако, еще на одном моменте понятия «организма» у Канта. Предложенная им модель организма является той онтологической рамкой, которая создает, выражаясь в терминологии, используемой для характеристики «новых онтологий», «плоскую» — равноправную и равноценную — онтологию ее частей. Кантовское определение организма звучит следующим образом: «*органический продукт природы* — это

26

1 Основные претензии, которые могут быть предъявлены некоторым формам органицизма, связаны как раз с этой ошибкой «ленивого разума», в рамках которой знание «целого» предполагается завершенным. Ярким примером такого рода ошибки является философия «систем». Герман Люббе (обсуждая область истории философии) иронизирует по этому поводу: «Главным недостатком этих попыток было то, что они с самого начала исходили из всей истории философии в целом; их притязание было слишком всеобъемлющими, чтобы быть убедительным в деталях» [Lübbe 2003: 15].

продукт, в котором все есть взаимно цель и средство. В нем нет ничего лишнего, бесцельного, ничего, что можно было бы приписать слепому механизму природы» [Кант 1994 (1790): 217 (§ 66)]. Из этого следует, что все части организма между собой равны — ни один не существует только ради другого и не может быть обесценен как «бесцельный». Теоретики и историки органицизма не обращают внимания в этом контексте также на следующее обстоятельство: что именно модель организма используется Кантом для описания правильного морального универсума равных друг другу свободных разумных существ. Одна из формул категорического императива Канта гласит: «*поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [Кант 1994 (1785): 205]. Там, где все друг для друга не только средства, но и цели, устанавливается фундаментальное равенство и упраздняется всякая иерархия: в моральном царстве целей Канта каждый одновременно является законодателем и подчиненным, здесь все имеет «достоинство», а не меновую «ценность» etc. Если продолжить эту мысль в контексте того, что «мир вообще» подчинен у Канта регулятивной идее органической целесообразности¹, то из этого следует, что (в регулятивном идеале) мы имеем дело с исключительно «плоской» онтологией мира, в котором все части являются частями именно органического целого, здесь не существует привилегированных или дискриминированных частей.

27

Во-вторых, понятия «часть» и «целое» являются ключевыми не только в предметно-онтологической модели организма (системы и т. д.), но и в гносеологической модели герменевтического круга и герменевтического познания, описываемого традиционно формулой «Частное понимается в целом, а целое из частного» [Дройзен 2004: 464 (§ 10)]. Особенность данной модели познания заключается в том, что, будучи сформулирована классическими филологами и историками, она изначально строится на понимании невозможности достижения полного представления об изучаемом целом и, соответственно, его частях². Герменевтический круг оставляет горизонт познания и целого, и частей всегда открытым. В процессе этого осциллирующего перехода от одного к другому мы каждый раз можем и даже должны корректировать наше знание о целом

1 «Высшее формальное единство, основывающееся исключительно на понятиях разума, есть *целесообразное единство вещей, и спекулятивный интерес разума заставляет рассматривать все устройство мира так, как если бы оно возникало из намерения наивысшего разума*» [КЧР: В 714-715].

2 Отсюда, в частности, следует радикальный конструктивизм, ограниченный релятивизм и перспективизм историографии у самого процитированного здесь Иоганна Густава Дройзена (см.: [Куренной 2020]).

и частях, включая возможность их переопределения. В своем чисто гносеологическом смысле, связанном не с предметными характеристиками познания, а с логической структурой знания, герменевтический круг выглядит иначе. Формула движения от целого к частям и от частей к целому означает здесь соотношения общетеоретического знания и знания о единичном. В исторической герменевтике Дильтея это означает, что, улучшение знания единичного (например, жизни Пушкина), позволяет нам улучшать и корректировать наши обобщенные теоретические инструменты познания (например, социальные или экономические концепции), и, напротив, новые концепции такого рода помогают нам лучше понять индивидуальный феномен жизни Пушкина. Герменевтическая модель, в значительной степени интегрированная историзмом, прежде всего, в рамках немецкой исторической школы, а затем структурированная в виде философского проекта герменевтики Дильтея, осуществляет, таким образом, реабилитацию единичного, освобождая его от давления классической аристотелевской иерархии знания. Конституирование и оформление немецкой исторической школы происходит в рамках полемики с немецким спекулятивным идеализмом (прежде всего, в лице Фихте и Гегеля), и основным лейтмотивом этой полемической позиции являются два элемента: 1) «Целое», например, всемирная история, не дана нам в какой-то окончательной форме (например, в форме «системы»), 2) Познание единичного (важно подчеркнуть, что любого единичного) является столь же важным и легитимным, как и регулятивное движение наук к постижению общего (т. е. к построению теоретических концепций). Наилучшим образом этот открытый характер познания, вытекающий из герменевтической гносеологии, сформулирован Вильгельмом Дильтеем: «... понимание становится интеллектуальным процессом наивысшего напряжения, который никогда целиком не может быть реализован. ... Общим же для всех видов понимания является переход от постижения неопределенно-определенных (unbestimmt-bestimmter) частей к попытке схватить смысл целого, а затем уже к попытке, исходя из этого смысла, лучше определить эти части. Она может быть неудачной, когда отдельные части не дают возможности понять их таким образом. И это понуждает давать новое определение смысла, необходимое для понимания частей. ... внутреннего, целого и частей и так далее. Определенно-неопределенное, попытки определения, вечная незавершенность (Niezukommend), переход от части к целому, и наоборот» [Дильтей 2004: 276]. Подобного рода подвижность в переопределении «определенно-неопределенного» исследуемого предмета — неотъемлемый момент множества разновидностей полевых исследований, тяготеющим к открытой, теоретически слабо структурированной

на начальном этапе исследовательской модели. Именно герменевтический историзм стал проводником и другой эпистемологической инновации — онтологического выравнивания статуса любого единичного объекта, а также легитимации исследований, сосредоточенных исключительно на единичном (на отдельных «кейсах», как мы бы сейчас выразились). Приведем несколько высказываний Леопольда фон Ранке из его берлинского лекционного курса «Идея универсальной истории» (1831), построенных на противопоставлении исторического познания теоретическому диктату философии: «Тогда как философ, рассматривая историю из своего собственного поля, видит бесконечное только в движении вперед, в развитии, в целостности (Totalität), история познает бесконечное в любой экзистенции, в любом состоянии, в любом существе; [всюду видит она] нечто вечное, исходящее от Бога, — таков ее жизненный принцип» [von Ranke 1975 (1831): 77]. «Для того, чтобы сформировать настоящего историка, я считаю, необходимы два качества: прежде всего, сочувствие (Teilnahme) и радость от единичного (Freude an dem Einzelnen) сама по себе и в себе. ... Он будет уделять внимание королям, под властью которых жили многие поколения, стараться проследить порядок событий, развитие основных предприятий и начинаний — и все это без всякой дальнейшей цели, исключительно в силу радости, которую ему приносит жизнь отдельного человека (aus Freude an dem einzelnen Leben), так же, как мы радуемся цветам, не думая о том, к какому классу по [Карлу] Линнею или к какому порядку и роду по [Лоренцу] Окену они относятся, иначе говоря, — не думая о том, каким образом целое проявляется в единичном» [von Ranke 1975 (1831): 88]. Теологическая легитимация этого бунта против диктата теории у Ранке не должна нас смущать: к такой процедуре прибегало также и естествознание раннего Нового времени¹. К концу XIX века исторический интерес к любому единичному переосмысливается в полностью секулярном ключе с помощью идеи «развития»²,

29

-
- 1 Макс Вебер приводит в этой связи весьма выразительное высказывание голландского натуралиста XVII века Яна Сваммердама: «Я докажу вам существование божественного провидения, анатомируя вошь» [Вебер 1990: 717].
 - 2 В рамках идеи «развития» уникальное значение любого единичного заключается в строгой каузальности исторических событий и, одновременно, в его фактической контингентности: «Историческим мы называем все, что когда-то было, а сегодня уже не существует; согласно самым современным представлениям, мы связываем с ним еще и другое соображение: когда-то бывшее никогда не может повториться, и все случившееся когда-то образует незаменимое и незыблемое звено цепи развития, или, другими словами, все последующее обусловлено предыдущим и не смогло бы произойти именно таким образом, как фактически случилось, если бы

составляющей, наряду с «индивидуальностью», ядро идеи историзма в концептуализации Ф. Майнеке.

С учетом этих дополнений, разъясняющий потенциал модели органицистского холизма и структурно связанную с ним через понятия «часть» и «целое» гносеологическую модель герменевтического круга, обратимся, собственно, к характеристике полевой науки, которая, как уже было сказано, во многих своих дисциплинарных областях генетически связана с «гумбольдтианской наукой» XIX в.

1. Полевая наука является преимущественно не объяснительной, как того строго требует от лабораторно-экспериментальной науки позитивистский стандарт «объясняющего» научного знания, а описательной и морфологически-дескриптивной. Это распространяется как на естественные науки (главная функция научных стационаров заповедников заключается в ведении наблюдений — «летописей природы»), так и на социальные — этнография и антропология тяготеют к качественным методам исследования, количественные методы выступают здесь лишь как дополнительные инструменты в рамках «триангуляции» — наложения нескольких типов методологических подходов на предмет исследования.

30

2. В полевых этнографических и культурно-антропологических исследованиях предпочтение отдается историко-герменевтическим — «понимающим» или интерпретативным — методам и подходам.

3. Количественные данные, аккумулируемые стационарами (например, метеостанциями) или квази-стационарами (например, опорной сетью региональных интервьюеров), равным образом используются для описания состояния и изменения состояния крупных природных (погода) и социальных («общественное мнение») феноменов. Хотя все такого рода явления (атмосфера Земли, российское «общество») являются индивидами, и, следовательно, их исследование является «идеократическим», на основании больших данных, получаемых с помощью постоянно совершенствующихся технологий, а также наличия соответствующих калькулирующих мощностей их функционирование может быть достаточно точно количественно определено и спрогнозировано в рамках построенных для этого моделей. В области метеорологии или приливно-отлич-

это предыдущее звено не предшествовало ему. Сущность любой современной точки зрения на историю образует как раз *идея развития*. Следовательно, согласно современным понятиям, любая человеческая деятельность и каждая человеческая судьба, о которых сохранились свидетельства или информация, без исключения претендуют на историческую ценность: любое происшествие, случай в истории мы считаем в принципе незаменимым, уникальным» [Ригль 2018: 10].

ных процессов это моделирование уже продвинулось чрезвычайно далеко, применительно к изучению общественных процессов мы, похоже, как раз являемся очевидцами революции наблюдений, связанной с распространением сетевых коммуникаций и индивидуальных комплексных электронных устройств. В социальных науках, аристотелевская иерархия, в которой всеобщее значение (общезначимая теория) имеет более высокий эпистемологический ранг, чем знание единичного, рудиментарно сохраняется, но подменяется иерархией количественного описания, а в недалеком будущем, видимо, также довольно точного моделирования определенных социальных явлений и, соответственно, нижестоящего качественного описания в рамках этнографических, антропологических и подобных исследований.

4. Аналитически-редукционистская лабораторная наука изымает предмет своего исследования из природной целостности, полевая наука, напротив, работает с целостными комплексами природы. Эта комплексность, разумеется, уже не имеет всеобъемлющей полноты «космоса» Гумбольдта, однако именно холистская модель является структурной частью идеи организации полевых научных стационаров (наблюдение над «растительными сообществами», «биосферными комплексами» и т. д.), а также полевых антропологических исследований, изучающих людей в их собственной среде обитания.

31

5. Герменевтическая эпистемология, структурно связанная с ограницистскими предметными онтологиями, проявляется в специфической подвижности полевой науки в определении предмета своего исследования и, соответственно, используемых методов. «Поле» в данном случае выступает как предварительно (до начала полевых исследований) неопределенное до конца «целое», «части», т. е. собственно предметы исследования, доопределяются в ходе знакомства с ним. Эта подвижность может выражаться различным образом — в форме оперативной необходимости привлечения новых специалистов в ходе экспедиций, выполняемых в формате «быстрой этнографии», в отказе от заранее сформулированных теорий и гипотез полевого исследования и т. д. Данная подвижность имеет герменевтический характер и осуществляется на двух уровнях: предметно-онтологическом и гносеологическом, предполагающем возможность перехода между изучением частного и индивидуального к использованию и расширению всеобщего.

6. В полевой науке сохраняется элемент аристотелизма, поскольку она основана не модели обезличенной рациональности и воспроизводимости (а также, следовательно, демократичности познания), а на способности конкретного исследователя осуществлять наблюдения и структурировать свои наблюдения на основе своего накопленного опыта. В разных научных областях такого рода «насмотрен-

ность» и способность различать называется по-разному, например, в орнитологии такого рода опытный взгляд называют «jizz» [Daston 2008: 101]. Это коррелирует со следующей особенностью «классической» науки в смысле Аристотеля, поскольку одна из ее особенностей состоит в следующем: «Познание принципов осуществляется на основании структурного восприятия, и его истинность достигается посредством достаточного упражнения, опыта и знакомства исследователя со своим предметом» (Kenntnis der Forscher) [Detel 2003: 178]. Иными словами, как формулирует это Пол Гейсслер и Анна Келли, в полевых исследованиях «исследователь сам превращается в научный инструмент» [Geissler, Kelly 2016: 800].

7. Полевые антропологические исследования наследуют тот существенный момент герменевтического историзма, который рассматривает погружение в историю как путь самопознания: «Историческое исследование предполагает размышление о том, что и содержание нашего Я есть многократно передаваемый, ставший исторический результат ... Наше знание есть прежде всего воспринятое, полученное по наследству, наше и как будто не наше. Оно есть следующий шаг на пути к свободному самоощущению и свободному распоряжению этим знанием» [Дройзен 2004: 467 (§ 19)]. Впрочем, настоящим отцом современной культурной антропологии с этой точки зрения следует считать Рене Декарта, избравшего удел путешественника для того, чтобы распознать контингентность и ограниченность любой культурной самоочевидности: «в то время, когда я только наблюдал нравы других людей, я не находил в них ничего, на что мог бы опереться, так как заметил здесь такое же разнообразие, какое ранее усмотрел в мнениях философов. Самая большая польза, полученная мною, состояла в том, что я научился не особенно верить тому, что мне было внушено только посредством примера и обычая, так как видел, как многое из того, что представляется нам смешным и странным, оказывается общепринятым и одобряемым у других великих народов. Так я мало-помалу освободился от многих ошибок, которые могут заслонить естественный свет и сделать нас менее способными внимать голосу разума» [Декарт 1989: 255]¹.

32

1 Декарт весьма осторожно подходит к вопросу о месте рациональности в практической (моральной и социальной) жизни, считая, что ее вмешательство в общественные дела опасно и безрассудно: «Эти громады слишком трудно восстанавливать, если они рухнули, трудно даже удерживать их от падения, если они расшатаны, и падение их сокрушительно» [Декарт 1989: 258]. Также и в области личной морали он был далек от категоричности, предпочитая ограничиваться правилами «временной морали» [Дмитриев 2007], релятивизированной на основе своего культурно-антропологического опыта знакомства с разными культурными традициями.

7. Эстетическая составляющая «гумбольдтовской науки» проявляется в двух основных формах. Для многих наших собеседников, работающих в заповедниках, именно красота местной природы оказалась решающим фактором при выборе места работы, а часто — и самой профессии. Более активно эстетическая составляющая обнаруживается сегодня в этнографических и антропологических исследованиях, в которых программным образом предлагается потеснить собственно научные формы исследований и более активно использовать инструменты литературы, эссеистики и даже театра. Тенденция, которую мы наблюдаем и в России, например, в связи с выстраиванием коммуникации между жителями и, в частности, музеями-заповедниками, когда сотрудники последних используют формат документального («этнографического») театра, а постановка делается на материалах интервью и устной истории местных жителей. При этом популяризаторы такого «эстетического поворота» в этнографии обосновывают его тем, что такого рода тексты являются намного более действенными и влиятельными, ссылаясь, например, на Антона Чехова [Nagaуan 2012].

Перечисленные здесь эпистемологические особенности полевой науки в ее отличии от лабораторной, разумеется, представляют собой обобщенную типологизацию, могут быть дополнены и дополнительно нюансированы применительно к отдельным направлениям полевых исследований. Однако преимущество предложенного здесь подхода заключается, на наш взгляд, не в том, чтобы отделить и противопоставить полевую и лабораторную науку, но в том, чтобы новым образом взглянуть на возможные конфигурации предметных онтологий и гносеологических инструментов научного знания. В рамках предложенного подхода полевая наука, как систематически, так и в силу своего исторического происхождения, оказывается связана с органицистским холизмом и герменевтикой, которые традиционно рассматриваются в связи с другими областями научного знания. При этом мы видим, что такого рода анализ позволяет неожиданным образом обнаружить единство между социальными и естественными науками, если взглянуть на объединяющий их формат полевых исследований.

Новые онтологии, постмодернизм и историзм

Сделанное обобщение основных особенностей эпистемологической модели полевой науки позволяет нам совершить небольшой экскурс в сторону новых («плоских» и т. д.) онтологий. На то, что между полевой наукой и некоторыми из этих онтологий существует неочевидная связь, указывает уже неоднократно цитирование Бруно Латура. Попробуем выявить структурные соответствия этих моде-

лей, а также, пользуясь случаем и контекстом, взглянем на более длительную перспективу волн историзма и холизма в современной философии и исследованиях науки, включив в наше поле зрения постмодернизм и постпозитивистскую теорию науки.

Не пускаясь в длительный собственный анализ многообразных и, надо сказать, на редкость неустойчивых и подвижных новых онтологий, мы можем в данном случае опереться на обобщения, сделанные в статье Александра Писарева, Сергея Астахова и Станислава Гавриленко, предваряющей три номера журнала «Логос», посвященных этим разновидностям онтологий [Писарев, Астахов, Гавриленко:2017]. Из нее следует, что наиболее общей характеристикой одной из них — акторно-сетевой — является антиредукционизм: «Ключевой ход акторно-сетевой теории — приостановка процедуры редукции. АСТ противопоставляет себя теориям, сводящим разнообразные феномены к проявлениям некоторого первичного уровня — социального, культурного, дискурсивного, биологического и т. д.» [Писарев, Астахов, Гавриленко: 6]. Если правильно квалифицировать эту особенность АСТ не в апофатической, а в катафатической модальности, то следовало бы сказать, что главная особенность заключается в стремлении к нередукционистскому и холистическому рассмотрению мира (что тот же Латур осуществляет, например, путем попытки ликвидации границы между «природой» и «обществом»). АСТ здесь не исключение — все новые онтологии претендуют на то, чтобы новые понятия, вводимые теорией, описывали мир в целом, а не в отдельных его частях и регионах. Тем самым они все наследуют кибернетической модели, претендующей на рассмотрения мира вне региональных онтологий, таких как «органическое» и «неорганическое».

34

Далее авторы постарались выделить также наиболее «частые черты» проанализированных ими новых онтологий, не ограничиваясь построениями Латура. Всего их выделено шесть, мы прокомментируем выборочно наиболее релевантные для нашего контекста, несколько переструктурировав предложенные формулировки [Писарев, Астахов, Гавриленко: 16-17]:

1) «запрет на выделение некоторой инстанции в качестве первичной или подлинной»; «все вещи по умолчанию наделяются одинаковым онтологическим статусом».

Эта особенность коррелирует с описанным выше «выравниванием» и переопределением статуса любой единичной предметности в герменевтическом историзме, равно как и «плоской онтологии» органицизма Канта.

2) Запрет «на обращение к трансцендентному, будь то субъект, субстанция, бытие, общество, язык и т. д. Поэтому это онтологии имманентности».

Сложно понять данную квалификацию в силу ее лапидарности, однако, очевидно, речь идет не о «трансцендентном» в классическом смысле слова (предмет метафизики и теологии), а о структурах, не наблюдаемых непосредственно и вводимых в форме теорий. Право на отказ от любой формы теоретизирования — также важная особенность герменевтического историзма. Здесь можно указать не только на приведенные слова Ранке, но и сослаться на позднего представителя немецкой исторической школы Якоба Буркхарда. Его мозаичный стиль работы является демонстративным примером того, как историк не обременяет себя никакой теорией и «систематическим» изложением «всемирно-исторических идей» [Буркхардт, 2004 (1905): 11].

3) «нет мира как совокупности всего существующего или горизонта горизонтов».

Новые онтологии, действительно, следуют запрету, наложенному Кантом на конститутивное определение «мира вообще». Регулятивный же оптимизм Канта в отношении мира в целом сегодня сменился намного более пестрыми и, часто, тревожными и «темными» интуициями на этот счет, что никак не отменяет, впрочем, их произвольного характера.

С некоторыми приведенными обобщениями авторов, однако, сложно согласиться, если рассматривать более детально отдельные варианты новых онтологий. Так, авторы считают, что:

4) «В плоских онтологиях время часто не тематизируется и не играет сколько-нибудь значимой роли, поэтому некоторые из них упрекают в склонности к актуализму, антиисторизму или синхронизму».

Эта характеристика относится, скорее, лишь к акторно-сетевой теории, но явно несправедлива в отношении, например, теории ассамбляжей Мануэля Деланда. Здесь мы видим восстановление в полной мере специфической проблематики классического историзма¹, который основан на понятии «индивидуальности» и контингентности: «Онтологический статус всякого ассамбляжа, будь он неорганическим, органическим или социальным, состоит в его уникальности, сингулярности, исторической контингентности и индивидуальности» [Деланда 2018: 53]. Важное различие по отношению к классическому историзму состоит, однако, в том, что раньше данные характеристики выступали как отличительные особенности историографии человеческой жизни, тогда как

1 «Историзм» следует, разумеется, отличать как прямую противоположность «историцизма» в том смысле, который придал последнему понятию Карл Поппер [Поппер 1993].

у Деланда, который в значительной мере оперирует проблематикой кибернетики, эта истористская модель распространена на все типы ассамбляжей — не только социальных, но также органических и неорганических, следуя в этом универсальным притязаниям кибернетических моделей. Если относить к новым онтологиям также и работы, связанные с кибернетической традицией (Юк Хуэй), то ключевая для него категория «контингентность» также инкорпорирует в этот проект проблематику историзма.

В контексте взаимосвязи постмодернизма и новых онтологий (свой проект ассамбляжей Деланда считает систематической формулировкой идей, разрозненно сформулированных Жилем Делёзом) нетрудно заметить, что они производят примерно одну и ту же операцию, сходную с той, которая широко использовалась постструктуралистами: «органическая» структура демонтируется, уступая более сложным и подвижным конструкциям, где элементы целого если и возникают, то имеют намного более неустойчивый и неопределенный характер. Это производит аттрактивный эффект эмансипации от устоявшихся, ассоциированных, разумеется, с властными отношениями определенностей, различий и иерархий. Параллельно с этим атаке подвергаются господствующие теории, происходит зачистка категориального аппарата от ассоциированных с областью этих теорий понятий (например, от «сущностей»). Деланда здесь является хорошим примером, поскольку основным объектом его атаки являются «организм» и «гегелевская тотальность». Понятие организма, которое он использует и против которого выступает, является тоталитарным и подразумевает, что части подчинены и работают на благо целого [Деланда 2018: 17]. Исторически, разумеется, подобные трактовки органицизма имели место и снискали себе дурную славу (так, Эрнст Крик пытался легитимировать национал-социализм посредством именно такого «органического мировоззрения»). Такого рода злоупотребления и являются, на наш взгляд, основной причиной перекодирования проблематики органицизма в терминологию «теории систем». Исторический парадокс, однако, состоит в том, что именно органицизм — в форме, восходящей к Канту, и был инструментом эмансипации от тотального диктата теории в форме, прежде всего, спекулятивной философии позднего Гегеля¹. В контексте XIX века модель организма выступала как эман-

36

1 Ранний Гегель, напротив, сам мог бы встать в ряд авторов новых онтологий, оперируя, например, вот такой моделью жизни: «жизнь, положенная вне нашей ограниченной жизни, есть бесконечная жизнь бесконечного многообразия, бесконечного противоположения, бесконечной соотнесенности. В качестве множественности она есть бесконечное множество организаций, индивидуумов ...» [Гегель 1976 (1800): 196].

сипирующая по отношению к модели «механизма», которая включала также представление об унитарном центре управления рационально организованным обществом¹. Как мы видим, этот пафос борьбы с механицизмом и «механической причинность» продолжает быть актуальным и для новых онтологий — на него обращает внимание Г. Харман в своем анализе концепции Деланда [Харман 2017: 8]. Борьба за «права независимых вещей» (если воспользоваться характеристикой того же Хармана) является прямым продолжением органицизма и герменевтики XIX века, в рамках которых юрист Савиньи выступает за право на индивидуальность и возможность иметь собственные правовые системы отдельным провинциям и городам одного государства², а историк Ранке — за право историка радоваться единичным историческим феноменам «как цветам», «не думая о том, каким образом целое проявляется в единичном». Метафора, связанная с эстетикой цветов, создает здесь, разумеется, дополнительную отсылку к полевой науке. Несмотря, таким образом, на техническую проблему борьбы, помимо прочего, с какими-то разновидностями моделей организма, новые онтологии находятся в русле все той же эмансипаторной привлекательности, с которой некогда органицизм был с воодушевлением принят противниками рационалистического механицизма³.

- 1 Ср. работу Эриха Кауфмана «О понятии организма в учении о государстве XIX века»: «Общественная жизнь не должна больше управляться из одного центрального пункта, руководствуясь абстрактной целью *salus publica*; государственное чувство гражданина больше не сводится к потребности в искусном и благосклонном руководстве и послушному повиновению распоряжениям власти. Он ощущает себя самостоятельным активным членом, которой сам по себе имеет потребность в действии инициативе: он требует свободы и чувства собственного достоинства!» [Kaufmann 1908: 4].
- 2 «Поэтому заблуждаются, когда полагают, что Всеобщее (*Allgemeine*) станет жизнеспособным благодаря уничтожению всех индивидуальных отношений. Если бы в каждом сословии, в каждом городе, даже в каждом селе могло возникнуть присущее им чувство собственного достоинства, то из этой возвышенной и размножившейся индивидуальной жизни и Целое приобрело бы новую силу. Поэтому, когда речь идет о влиянии гражданского права на любовь к отечеству, то именно особое право отдельных провинций и родов нельзя считать вредным» [Савиньи 2011: 148].
- 3 Впрочем, историю этого противостояния можно отследить и на всем протяжении XX века. Так, Гилберт Райл — весьма важный теоретик для современной культурной антропологии (именно у него Клиффорд Гирц займется понятие «насыщенное описание») — развернул свой проект борьбы с картезианским «призраком в машине» в середине XX в., считая, что понятие причинности, используемое в современной биологии значительно потеснило механицистский детерминизм: «Но влияние пугала механицизма в течение последнего столетия значительно ослабла, одной

Завершая этот экскурс в тематику новых онтологий, еще раз обратимся к теме историзма. Как было замечено выше, новые онтологии (во всяком случае, некоторые и наиболее философски квалифицированные из них, как теория ассамбляжей Деланда) в значительной степени осуществляют разворот к проблематике исторической контингентности и индивидуальности. Поставим это явление в более длительную и дисциплинарно более широкую перспективу его влияния на современный философский и дисциплинарный ландшафт.

1) Первая волна историзма, появившегося на арене второй половины XX в. связана с историзацией философии и теории науки. Именно исторические исследования, среди которых наибольшую известность получала работа Т. Куна о научных революциях (1962), серьезным образом подточили те несколько унитарно-логических конструкций, которые были выработаны в логическом позитивизме и близких к нему теориях (Карл Поппер). Концептуально-теоретически возможность этого обновления подготовила холистская и интерпретативная модель научной теории, использованная Куайном в его уже цитированной здесь статье «Две догмы эмпиризма», опубликованной в 1951 году, тогда как исторический метод работы возводится постпозитивистской теорией науки к книге Людвиг Флека «Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива», опубликованной в 1935 году. Весьма значимым источником распространения холистских моделей в различных социальных и гуманитарных науках второй половины XX века является философия позднего Витгенштейна.

2) Две вторые волны историзма протекают практически одновременно: одна из них связана с появлением современных исследований науки и технологий в русле ранних исследований Б. Латюра, С. Вулгара и других. Она является холистской в той мере, в какой обращается к более целостному контексту работы ученых и строится на наблюдении и концептуализации тех практик, которые ученые сами считают побочными и вспомогательными (сегодня, как мы видели, этот же стиль исследований проник и в область изучения

из причин чего, среди прочего, было то, что биологические науки в этот период доказали свое право называться науками. Оказалось, что система Ньютона — не единственная парадигма естественных наук. Отрицая, что человек — это дух в машине, мы не нуждаемся в том, чтобы опускаться его просто до уровня машины. В конце концов он может быть разновидностью животного, а именно высшим млекопитающим. Теперь нужно набраться смелости, чтобы совершить рискованный прыжок и предположить, что это млекопитающее — человек» [Райл 1999: 317].

полевой науки). В то же время именно историческое исследование Латура о лаборатории Пастера является одним из наиболее известных кейсов этой ранней фазы становления обновленных исследований науки и технологий. Вторая также возникает в конце 1970-х («Состояние постмодерна» Ф. Лиотара было опубликовано в 1979 году) и имеет намного более сильный резонанс в форме широкого течения «постмодернизма». Не вдаваясь в аргументацию, отмечу лишь то, что согласен с теми исследователями, которые не считают постмодернизм тем, за что он сам себя склонен выдавать, т. е. за фундаментальный разрыв с предшествующей культурой модерна. В настоящее время можно считать давно установленной не просто чрезвычайную близость, но, фактически, структурный изоморфизм постмодернизма и историзма. Герман Люббе совершенно точно, на наш взгляд, определяет «постмодерн» как «историзированный модерн» [Люббе 2016: 77–87]. Довольно просто расширить спектр его аргументов, показав, например, что закат «больших нарративов» уже однажды случался (хотя и более камерно, и внутридисциплинарно), а именно в ходе истористской критики и отказа от систем немецкого абсолютного идеализма, прежде всего — философии Гегеля. Однако и теоретики, сами принадлежащие к этому течению, вполне рефлексивно отдают себе в этом отчет — во всяком случае наиболее исторически подготовленные из них. В 1989 году Фрэнк Р. Анкерсмит, например, публикует любопытную статью «Историография и постмодернизм», где постмодернизм в целом представлен именно как вполне последовательный вариант развития проекта современной историографии как таковой [Ankersmit 1989]. Дистанцию по отношению к «модернистской» историографии здесь удается достичь за счет чрезвычайно распространенного у современных историков историографии приема — архаизации позиций классиков.

3) Современные новые онтологии, по крайней мере некоторые из них, воспринимают холизм и герменевтический историзм в форме возврата к обсуждению проблематики бытийной структуры мира. Этот проект наследует эмансипаторный посыл органицизма и герменевтической эпистемологии XIX в., утверждая права и достоинства «единичного». Стоит, правда, отметить, что «освобождение вещей», осуществляемое в данном случае весьма мало чувствительно к идее онтологического и, как следствие, методологического плюрализма, благодаря которому формируется, в частности, различие «объясняющих» и «понимающих» наук у Дройзена и Дильтея, развивается идея множества «материальных онтологий» в феноменологии Гуссерля. Эмансипаторные, на первый взгляд, проекты являются не просто «плоскими», они являются унитарными, не знающими онтологической множественности. Является ли

это следствием оптики рационального контроля, вышедшей из военных проектов на широкий простор кибернетического движения, или же каких-то иных причин — хороший вопрос для дальнейшего исследования.

Холизм, историзм и герменевтика, как мы постарались показать, нашли еще одно дисциплинарное прибежище в современной науке — в форме полевых исследований. Предложенный здесь анализ ее особенностей пытается уловить сквозной характер этой онтологической и эпистемологической модели, рассредоточенной в самых разных дисциплинарных практиках полевой науки, но прослеживаемой также в рафинированных областях схоластики новых онтологий. История и современные практики полевой науки, впрочем, едва ли менее интересны, чем умозрительные опыты последних. К знакомству с ними мы и приглашаем читателя этого выпуска журнала «Социология власти».

О содержании номера

40

В настоящем номере журнала мы постарались дать широкий срез многообразных типов исследований полевой науки — как в форме истории и теории науки, так и в форме рефлексии исследователей над собственными полевыми практиками (включая уровень отдельных полевых кейсов). К сожалению, достичь того уровня дисциплинарного охвата и репрезентативности, который изначально задумывался, нам не удалось. Это тем более симптоматично, что как раз в России накоплен уникальный опыт полевых исследований, иногда беспрецедентный по своему масштабу (например, в области геологии). Главную миссию настоящего выпуска журнала мы видим, скорее, в приглашении к исследованиям в различных областях полевой науки. Однако и представленные здесь работы показывают, что к изучению этих областей сегодня существует широкий междисциплинарный интерес. Охарактеризуем кратко содержание и логику построения номера.

Во вводной статье Виталия Куренного предпринимается систематическая попытка реконструкции онтологии и эпистемологии полевой науки. Специфика такой постановки вопроса заключается не в том, чтобы провести какие-то нерушимые эпистемологические границы между полевой и лабораторной наукой, но в том, чтобы показать нетривиальное единство подходов различных дисциплин, практикующих полевые методы исследований и наблюдений, а также объединенных холизмом и использованием герменевтической эпистемологии. Антиредукционистский характер полевой науки сближает эту модель с современными «новыми онтологиями», стимулирующим широкий интерес к той сфере

предметности, которая традиционно связана именно с полевыми исследованиями.

Проблематика новых форматов этнографической и социологической работы широко и детально освещается в статье Владимира Картавцева. Автор констатирует процесс демократизации и массовизации исследовательских практик социологического формата за пределами традиционных полей профессионального контроля. Для анализа этой новой ситуации разрабатывается новая концептуализация, основанная на интенциональной прагматике различных подходов, в которой помимо стандартного «социологического исследования», пользующегося аппаратом статистического анализа данных, в отдельную категорию выделены «социальные обследования», нацеленные на достижение определенного социального блага. Основная часть статьи посвящена аналитическому обзору расширяющегося спектра исследовательских практик, которые, упрощая, можно назвать «быстрой этнографией». Уже само это понятие существенным образом изменяет традиционный концепт «поля», маркирующего в том числе его существенную продолжительность.

Большой блок статей посвящен рефлексии и анализу этнографической полевой работы. Ирина Стародубровская систематически осмысляет свой богатый полевой опыт работы с «закрытыми сообществами» на Северном Кавказе, и рефлексия здесь балансирует на грани с исповедью исследователя. Такого рода сообщества отличаются особенной сложностью с точки зрения «входа», но войдя в них, исследователь встает перед моральной проблемой эмоционального нагруженного взаимодействия с людьми, этические ценности которых ему чужды. Этнограф сталкивается здесь с целым рядом эпистемологических, этических и герменевтических проблем, возвращающих в новой дисциплинарной форме проблематику ценностного релятивизма, а также напоминает о том, что этнографическое исследование — это не только путь познания Другого, но и путь к познанию самого себя.

Ольга Пинчук, которую мы можем поздравить с выходом работы «Сбои и поломки: Этнографическое исследование труда фабричных рабочих» (М.: Коммот Place, 2021), предпринимает масштабную рефлексию методологической специфики этнографии, а также собственного опыта этнографического исследования труда на современном российском предприятии. Один из важных выводов статьи, на мой взгляд, состоит в указании на несоразмерность и неуместность в сегодняшнем российском академическом контексте практики длительного включенного наблюдения, что превращает исследование Ольги, включающее год рабочей занятости на фабрике, в поступок экзистенциального масштаба. Переключение на методы

«быстрой» и прикладной этнографии труда, описанной в последней части статьи, показывает, какой формат этнографии труда может сегодня найти себе место в современных российских условиях.

Весьма симптоматичным для целого ряда современных «поворотов» в культурной антропологии является текст казахстанского антрополога Алимы Бисеновой. Проблема антрополога и местного сообщества существенно изменяет свою конфигурацию в современном мире, где антрополог, прибывая в поле, рискует встретить там также местного антрополога, обладающего собственной перспективой и оптикой, связанной с этим полем. Похоже, занавес эзотеризма, изолировавший академическое письмо заезжего антрополога от взгляда местного сообщества, все активнее будет съезживаться во все более транспарентном и рефлексивном мире. Статья показательна также тем, что маркирует эстетический тренд в современной этнографии, все чаще обращающийся к новым, не вполне академическим жанрам представления своих результатов. Эстетический элемент был важным для «гумбольдтианской» модели научного знания, и, похоже, мы наблюдаем его возвращение в новых формах этнографической автоэтнографии, документального театра, художественной и «креативной нон-фикшн» эссеистики.

42

Масштабное как по географическому охвату, так и по степени детализации исследование Александра Сувалко и Марии Фигуры анализирует различные экстернальные эффекты полевой науки и научных стационаров, имеющих организационную форму особо охраняемых природных территорий, морских биологических станций и музеев-заповедников. Авторы рисуют весьма впечатляющую панораму этих негативных (связанных, как правило, с установлением особых режимов пользования и передвижения на территории ООПТ и музеев-заповедников) и позитивных эффектов, показывая, как присутствие ученых на территории ведет к расширению самой научной сети, изобретению сложных форм туризма, появлению новых практик артикуляции местной исторической и культурной идентичности.

Следуя тенденции современных исследований науки и технологий к расширению контекста анализа в том числе полевой науки, Елизавета Березина сосредоточилась в своей статье на вопросе о той роли, которую играет в полевых исследованиях транспорт и транспортная инфраструктура. Данный вопрос обычно попадает в поле зрения лишь в связи с серьезными и даже катастрофическими последствиями для экспедиций (как это было в экспедициях 1911 года Роберта Скотта и Руаля Амундсена к Южному Полюсу: их различная судьба и трагических исход группы Скотта объясняется ставкой на различные транспортные средства). Однако любой полевой исследователь подтвердит серьезную зависимость экспе-

диции от транспортных возможностей, и совершенно неслучайно путешественники прошлого, например, Николай Михайлович Пржевальский, досконально знали повадки и особенности своих вьючных животных, доходя до пространного комментирования их «нравственных качеств». Сам транспорт также часто выступает как инструмент полевого исследования. Это верно как для исследований моря, где специальное оборудование превращает судно в комплексный исследовательский прибор, так и для культурологов, для которых автомобиль не просто доставляет экспедицию из пункта А в пункт Б, но также является пространством, где проходят многочасовые семинары и обсуждения.

Номер завершают несколько дисциплинарных кейсов, посвященных истории и роли полевых исследований в биологии моря, лингвистике и криминологии. Статья Юлии Лайус предлагает детальный обзор истории российских морских биологических станций на Белом и Баренцевом морях в общем контексте формирования этой сети научных стационаров. Статья показывает, каким образом эта подвижная сеть стационаров, в истории которой было много комических (жалобы настоятеля Соловецкого монастыря о. Иоанникия на неподобающее поведение ученых на Соловецкой биостанции) и трагических страниц (после посещения Мурманской станции Сталиным, Ворошиловым и Кировым, летом 1933 года большая часть ее сотрудников была арестована, а сама станция закрыта), причудливым образом ветвилась под влиянием инициативы исследователей, научных и образовательных задач, а также переменчивой государственной прагматики. Множество эпизодов в этой истории (например, проект по выращиванию беломорских мидий, реализованной учеными на станции Картеш) заслуживают не меньшего внимания историков и социальных исследователей, чем Мишель Каллон уделил морских гребешкам бухты Сен-Брие. Российская история мидий, надо признаться, еще и на порядок сложнее. Поразивший меня момент, о котором я узнал на Картеше, состоит в том, что до того, как был реализован масштабный советский проект по созданию мидиевых плантаций, мидий здесь никто не ел: местные рыбаки, потерпевшие крушение на пустынных островах, погибали от голода, окруженные плантациями мидий.

Случай полевой лингвистики, проанализированный Артемом Космарским, очень хорошо вскрывает проблему эпистемологических иерархий, продолжающих господствовать и в современных научных дисциплинах, где полевое знание ощущает себя дискриминированным по отношению к теоретическому господству структурной и генеративной лингвистики. Не менее важная современная тенденция — новый тип легитимации полевых исследований, обоснованных моральными задачами спасения исчезающих язы-

ков, а также требования большей вовлеченности в жизнь и проблемы местных сообществ, что также можно считать одной из форм реализации холистского характера полевой науки.

В статье Михаила Погорелова рассматривается история ранне-советской криминологии, в которой широко использовались своеобразные полевые методы исследований социологического характера (анкетирование, биографическое интервью, включенное наблюдение за жизнью беспризорников). Из сегодняшней перспективы, разумеется, не может не поражать степень открытости советской тюремной системы середины 1920-х гг.: для исследователей доступ в нее был предоставлен «в любое время дня и ночи». Столь же удивителен и опыт создания «криминологических стационаров» в Москве в это время. Фактически это были лаборатории, где постоянно велось наблюдение за заключенными, а также — в созданном в 1926 году Экспериментальном пенитенциарном отделении — в них планировалось опробовать и отбирать для дальнейшего тиражирования методы «пенитенциарно-педагогического воздействия на правонарушителя».

44

Чтобы в какой-то мере представить общее состояние, направления и проблематику исследований полевой науки в стиле современных зарубежных исследований науки и технологий (STS), в этом номере журнала публикуется статья Пола Венцеля Гейсслера и Энн Х. Келли, которых мы, пользуясь случаем, хотели бы поблагодарить за предоставление прав на перевод. Статья открывала специальный выпуск журнала *Social Studies of Science*, однако представляет собой целостный обзор состояния исследований полевой науки, выполненных с позиций социальных наук. Холизм, отмеченный нами в качестве существенного признака полевой науки, возвращается здесь в новой форме — как внимание к материальным, телесным, эмоциональным аспектам полевых исследований. Все эти аспекты авторы попытались интегрировать метафорой «дома для науки», обладающей достаточной широтой, чтобы охватить множество этих контекстных моментов.

Библиография / References

Аристотель (1978) Вторая аналитика. Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль: 255-346.

— Aristotle (1978) *The Second Analytics*. Aristotle. In 4 volumes, Vol. 2, М.: Thought: 255-346. — in Russ.

Аронова Е. (2020) Геофизические датаскейпы холодной войны: политика и практики мировых центров данных. *Логос*, (2): 41-92.

— Aronova E. *Geophysical Datascape of the Cold War: Politics and Practices of the World Data Centers*. *Logos*, (2): 41-92. — in Russ.

Братерский А. В. Кулешова А. В. (2020) Открытый (в)опрос: общественное мнение в современной истории России, Т. 1, М.: ЭКСМО.

— Braterskiy A. V. Kuleshova A. V. (2020) Open question/poll: public opinion in the modern history of Russia, vol. 1, М.: ЕКСМО. — in Russ.

Вартофский М. (1988) Модели. Репрезентация и научное понимание, М.: Прогресс.

— Wartofsky M. (1988) Models. Representation and scientific understanding, М.: Progress. — in Russ.

Вебер М. (1990) Наука как призвание и профессия. Избранные произведения, М.: Прогресс.

— Weber M. (1990) Science as a Vocation and Profession. In: Weber M. Selected Works. Moscow: Progress. — in Russ.

Вульф А. (2019) Открытие природы: Путешествия Александра фон Гумбольдта. М.: Колибри.

— Wulf A. (2019) The Invention of Nature: Alexander von Humboldt's New World. М.: Colibri. — in Russ.

Гегель Г. В. (1976) Фрагмент системы 1800 г. Философия религии в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль.

— Hegel G. W. F. *Fragment of a System*. In: Philosophy of religion in 2 volumes, Vol. 1. М: Thought. — in Russ.

45

Горяшко А. (2022) Острова блаженных. История биологических станций Белого и Баренцева морей, М.: Паулсен.

— Goryashko A. (2022) Islands of the Blessed. History of biological stations of the White and Barents Seas, М.: Paulsen. — in Russ.

Громов Г. (1966) Методика этнографических экспедиций, М.: Издательство Московского университета.

— Gromov G. (1966) Methodology of ethnographic expeditions, Moscow: Moscow University Press. — in Russ.

Грэм Х. (2017) Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда, *Логос*. (3): 1-34.

— Graham H. (2017) Networks and assemblages: The rebirth of things in Latour and Delanda, *Logos*. (3): 1-34. — in Russ.

Гудков Л. (2006) В отсутствии «общества»: эмпирические социально-политические исследования в России. Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений, М.: Фонд «Наследие Евразии»: 201-220.

— Gudkov L. (2006) In the absence of “society”: empirical socio-political research in Russia. Thinking Russia Out: Cartography of Contemporary Intellectual Trends, М.: Eurasia Heritage Foundation: 201-220. — in Russ.

фон Гумбольдт А. (1862) Космос: опыт физического мироописания. 2-е изд. Ч.1, Москва: Типография Александра Семена.

— von Humboldt A. (1862) Cosmos: A Sketch of a Physical Description of the Universe. Vol. 1, М.: Alexander Semen's printing house. — in Russ.

фон Гумбольдт А. (1959) Картины природы, М.: Государственное издательство географической литературы.

— von Humboldt A. (1959) Pictures of Nature, M.: State Publishing House for Geographic Literature. — in Russ.

Декарт Р. (1989) Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Декарт Р. Сочинения в 2 т., Т. 1, М.: Мысль: 250-296.

— Descartes R. Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences. In: Essays in 2 volumes., Vol. 1, M.: Thought: 250-296. — in Russ.

Деланда М. (2018) Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность, Пермь: Hyle Press.

— DeLanda M. (2018) A New Philosophy of Society: Assemblage Theory And Social Complexity, Perm: Hyle Press. — in Russ.

Дильтей В. (2004) *Построение исторического мира в науках о духе*. М.: Три квадрата.

— Dilthey W. (2004) *The construction of the historical world in the sciences of the spirit*. M.: Three squares. — in Russ.

Дмитриев Т. (2007) Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта, М.: ИФ РАН.

— Dmitriev T. A. (2007) The problem of methodical doubt in the philosophy of Rene Descartes, M.: RAS Institute of Philosophy. — in Russ.

Дройзен И. Г. (2004) *Историка*, СПб.: Владимир Даль.

— Droysen J. G. (2004) *Historik*. SpB.: Vladimir Dal. — in Russ.

Дюркгейм Э. (1996) О разделении общественного труда, М.: Канон.

— Durkheim E. (1996) *On the Division of Social Labor*. M.: Canon. — in Russ.

Иванов К. (2020) Астрономы и топографы в борьбе за Центральную Азию. Заметки к эпистемологии колонизации. *Логос*, 2 (30): 15-40.

— Ivanov K. (2020) Astronomers and Surveyors in the Struggle for Central Asia. Notes on the epistemology of colonization. *Logos*, 2 (30): 15-40. — in Russ.

Казьмин В. Д. (2013) Количественная характеристика питания вольноживущей лошади (*Equus caballus*) на острове Водный озера Маныч-Гудило. *Зоологический журнал*, 92 (3): 337-345.

— Kazmin V. D. (2013) Quantitative characteristics of the feeding of the free-living horse (*Equus caballus*) on the Vodny island of the Manych-Gudilo lake. *Russian Journal of Zoology*, 92 (3): 337-345. — in Russ.

Кант И. (1994) Критика способности суждения. Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. М.: ЧОРО.

— Kant I. (1994) Critique of Judgment. In: Works in 8 vols., vol. 5. Moscow: Choro Publ. — in Russ.

Кант И. (1994) Основоположения метафизики нравов. Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. М.: ЧОРО.

- Kant I. (2004) *Foundations of the Metaphysics of Morals*. In: *Works in 8 vols.*, vol. 4. Moscow: Choro Publ. — in Russ.
- Куайн У. В. О. (2000) *Слово и объект*, М.: Логос, Праксис.
- Quine W. V. O. (2020) *Word & Object*, М.: Logos, Praxis. — in Russ.
- Куренной В. (2020) Институциональная теория модерна: Иоганн Густав Дройзен, Логос. (6): 41-90.
- Kurennoy V. (2020) *An Institutional Theory of Modernity: Johann Gustav Droysen*. *Logos*, (6): 41-90. — in Russ.
- Латур Б. (2002) Дайте мне лабораторию, и я переверну мир. Логос, 5-6: 211-242.
- Latour B. (2002) *Give me a laboratory and I will move the world*, *Logos*, 5-6: 211-242. — in Russ.
- Латур Б. (2006) Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии, СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге.
- Latour B. (2006) *There was no new time: essay on symmetrical anthropology*, St. Petersburg, EUSPB Publ. — in Russ.
- Латур Б. (2018) Политики природы: как привить наукам демократию, Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Latour B. (2018) *Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy*, Moscow: Ad Marginem Press. — in Russ.
- Латур Б. (2019) «Никто теперь не верит, что мы собираемся модернизировать планету». COLTA.RU — интернет-изд. 28 июня. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/21711-nikto-teper-ne-verit-chno-my-sobiraemsa-modernizirovat-planetu> (дата обращения: 29.11.2021).
- Latour B. (2019) «No one now believes we are going to modernise the planet». COLTA.RU URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/21711-nikto-teper-ne-verit-chno-my-sobiraemsa-modernizirovat-planetu> (Access: 29.11.2021). — in Russ.
- Майнеке Ф. (2004) Возникновение историзма, М.: РОССПЭН.
- Meinecke F. *Historism: The Rise of a New Historical Outlook*, М: ROSSPEN. — in Russ.
- Мамардашвили М., Соловьев Э., Швырев В. (1972) *Классика и современность: Две эпохи в развитии буржуазной философии. Философия в современном мире*, М.: 28-94.
- Mamardashvili M., Solovjev E., Shvyrev W. *Classics and Modernity: Two Epochs in the Development of Bourgeois Philosophy*, М.: 28-94. — in Russ.
- Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. (2017) Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка. *Логос*. 1(27): 1-40.
- Pisarev A., Astakhov S., Gavrilenko S. *Actor-network theory: an unfinished assemblage*. *Logos*, 1 (27): 1-40. — in Russ.
- Поппер К. Р. (1993) *Нищета историцизма*. М.: Прогресс.
- Popper K. R. (1993) *The Poverty of Historicism*. М.: Progress. — in Russ.

Поппер К. Р. (2004) Логика научного исследования, М.: Республика.

— Popper K. R. (2004) *The Logic of Scientific Inquiry*, M.: Republic. — in Russ.

Пржевальский Н. М. (1888) Как путешествовать по Центральной Азии. Первая глава четвертого путешествия по Центральной Азии Н. М. Пржевальского. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*, 32: 142–233.

— Przheval'skii N. M. (1888) How to travel in Central Asia. The first chapter of the fourth trip to Central Asia by N. M. Przhevalsky. *Collection of geographical, topographic and statistical materials on Asia*, 32: 142–233. — in Russ.

Райл Г. (1999) Понятие сознания, М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.

— Ryle G. (1999) *The Concept of Mind*, M.: Idea-Press. — in Russ.

Ригль А. (2018) *Современный культ памятников: его сущность и возникновение*, М.: ЦЭМ, V-A-C press.

— Riegl A. *The modern cult of monuments: its character and its origin*, M.: СЕМ, V-A-C press. — in Russ.

Риккерт Г. (1998) Науки о природе и науки о культуре. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, М.: Республика: 44–128.

48

— Rickert H. (1998) *The Natural Sciences and the Humanities (Science and history: a critique of positivist epistemology)*. Rickert H. *The Natural Sciences and the Humanities (Science and history: a critique of positivist epistemology)*, M.: Republic: 44–128. — in Russ.

Рогозин Д. (2015) Как работает автоэтнография? Социологическое обозрение, 14 (1): 224–273.

— Rogozin D. (2015) How Autoethnography Works. *Russian Sociological Review*, 14 (1): 224–273.

Ромашов Б. В. (2015) Гельминты речных бобров: *Castor fiber* и *Castor canadensis*, Воронеж: ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ.

— Romashov B. V. (2015) Helminths of river beavers: *Castor fiber* and *Castor canadensis*, Voronezh: Voronezh GAU.

фон Савиньи Ф. К. (2011) *Система современного римского права*. Т. 1. М.: Статут.

— von Savigny F. C. (2011) *System of Modern Roman Law*. Vol. 1. Moscow: Statut. — in Russ.

Сукачев В. (1917) О терминологии в учении о растительных сообществах. *Журнал Русского Ботанического общества*, (2).

— Sukachev V. (1917) On terminology in the study of plant communities. *Journal of the Russian Botanical Society*, (2). — in Russ.

Тённис Ф. (2002) *Общность и общество: Основные понятия чистой социологии*, СПб.: Владимир Даль.

— Tönnies F. (2002) *Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology*, SPb.: Vladimir Dal. — in Russ.

Федотова А. А. (2012) Изучение растительности в России и США: почему формирование дисциплины пошло разными путями? Историко-биологические исследования, 4 (1): 41-56.

— Fedotova (2012) The study of vegetation in Russia and the United States: why did the formation of the discipline take different paths? Historical and Biological Research, 4 (1): 41-56. — in Russ.

Ферсман А. Е. (1929) Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи, Ленинград: АН СССР.

— Fersman A. E. (1929) Expeditionary activity of the USSR Academy of Sciences and its tasks, Leningrad: USSR Academy of Sciences. — in Russ.

Фокин С. И., Смирнов А. В., Лайус Ю. А. (2006) Морские биологические станции на Русском Севере (1881-1938), Москва: Товарищество научных изданий КМК.

— Fokin S. I., Smirnov A. V., Lajus J. A. (2006) Marine biological stations in the Russian North (1881-1938), Moscow: Scientific Press LTD КМК. — in Russ.

Фрадкин И. Г. (1950) Инструкция для академических экспедиций 1768-1774. Вопросы географии, (17): 213-217.

— Fradkin I. G. (1950) Instruction for Academic Expeditions 1768-1774. Voprosy Geografii, (17): 213-217. — in Russ.

Хайдеггер М. (1993) Вопрос о технике. Время и бытие: Статьи и выступления, М.: Республика: 221-258.

— Heidegger M. (1993) The Question Concerning Technology. In: Being and Time, M.: Republic: 221-258. — in Russ.

Хестанов Р. З. (2020) Кибернетическое движение в перспективе различия аналогового и цифрового. Логос, 3(30): 77-98.

— Khestanov R. (2020) The cybernetics movement from the perspective of the analog/digital distinction. *Logos*, 3 (30): 77-98. — in Russ.

Хуэй Ю. (2020) Рекурсивность и контингентность, М: V-A-C Press.

— Xuej Yu. (2020) Recursivity and Contingency. M.: V-A-C Press. — in Russ.

Ankersmit F. R. (1989) Historiography and Postmodernism. *History and Theory* 28 (2): 137-153.

von Bertalanffy L. (2006) General system theory: Foundations, development, applications. New York: George Braziller.

Bohannon J. (2015) Many psychology papers fail replication test. *Science*, 349 (6251): 910-991.

Brain S. (2011) Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905-1953, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Canfield M. R. (Ed.) (2011) Field Notes on Science & Nature, Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Daston L. (2008) On Scientific Observation. *History of Science Society*, 99 (1): 97-110.

De Bont R. (2015) Stations in the Field: A History of Place-Based Animal Research, 1870-1930, Chicago, London: The University of Chicago Press.

- De Bont R., Lachmund J. (Eds.) (2017) *Spatializing the History of Ecology: Sites, Journeys, Mappings*, New York, London: Routledge.
- Detel W. (2003) *Wissenschaft*. Martens E., Schnädelbach. Philosophie. Ein Grundkurs. Bd. I, Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt: 172-216.
- Dettelbach M. (1996) *Humboldtian Science*. Jardine N., Secord J., Sparry E. C. (eds): *Cultures of Natural History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Eberhard K. (1999) *Einführung in die Erkenntnis- und Wissenschaftstheorie: Geschichte und Praxis der konkurrierenden Erkenntniswege*. — Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer.
- Franklin A. Slobodan Perovic. *Experiment in Physics*. Stanford Encyclopedia of Philosophy URL: <https://plato.stanford.edu/entries/physics-experiment/> (Accessed: 29.11.2021).
- Geissler P. W., Kelly A. H. (2016) *A home for science: The life and times of Tropical and Polar field stations*. *Social Studies of Science*, 46(6): 797-808.
- Gupta A., Ferguson J. (1997) *Discipline and Practice: «The Field» as Site, Method, and Location in Anthropology*. Gupta A., Ferguson J. (Eds.) *Anthropological locations: boundaries and grounds of a field science*, Berkeley, Los Angeles, London: The University of California Press: 1-46.
- James F. A. J. L. (ed.) (1989) *The Development of the Laboratory: Essays on the Place of Experiment in Industrial Civilization*, London: The Macmillan Press.
- Kaufmann E. (1908) *Über den Begriff des Organismus in der Staatslehre des 19. Jahrhunderts*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Klemun M., Spring U. (2016) (Eds.) *Expeditions as Experiments: Practising Observation and Documentation*: Palgrave Macmillan.
- Knorr-Cetina, K. D. (1981) *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*, Oxford: Pergamon Press.
- Kuklik H., Kohler R. E. (1996) *Introduction*. *Osiris*, 2nd Series, 11: Science in the Field: 1-14.
- Latour B., Woolgar S. (1979) *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*, Beverly Hills: Sage.
- Lübbe H. (2003) *Säkularisierung. Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs*. Um ein Nachwort erweiterte Neuauflage. 3. Aufl., München: Verlag Karl Alber Freiburg.
- Narayan K. (2012) *Alive in the Writing: Crafting Ethnography in the Company of Chekhov*, Chicago; London: University of Chicago Press.
- Puri S., Castillo D. A. (eds.) (2016) *Theorizing Fieldwork in the Humanities: Methods, Reflections, and Approaches to the Global South*, New York: Palgrave Macmillan.
- von Ranke L. (1975) *Idee der Universalhistorie. Aus Werk und Nachlass*. V. von Dotterweich, W. P. Fuchs (Hg.). München; Wien: R. Oldenbourg., Bd. IV.
- Vetter J. (Ed.) (2011) *Knowing Global Environments: New Historical Perspectives on the Field Science*, New Brunswick: Rutgers University Press.
- Weber M. (2018) *Experiment in Biology*. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/biology-experiment/> (Accessed: 29.11.2021).

Weiner D. (1999) *A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*, Berkeley: University of California Press.

Windelband W. (1904) *Geschichte und Naturwissenschaft. Rede zum Antritt des Rektorats der Kaiser-Wilhelms-Universität Strassburg*. 3. Aufl. Strassburg. J. H. Ed. Heitz (Heitz & Mündel).

Woolgar S. (1981) *Interests and Explanation in the Social Study of Science*. *Social Studies of Science*, 11(3): 365-394.

Рекомендация для цитирования:

Куренной В. А. (2021) *Лабораторная и полевая наука: онтология и эпистемология. Социология власти*, 33 (3): 8-51.

For citations:

Kurennoy V. A. (2021) *Laboratory and Field Science: Ontology and Epistemology. Sociology of Power*, 33 (3): 8-51.

Поступила в редакцию: 08.10.2021; принята в печать: 14.10.2021

Received: 08.10.2021; Accepted for publication: 14.10.2021